

Г. М. ШИПИЦЫНА

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 811.161.1'0

ББК Ш141.12-03

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПТ *ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО*

Аннотация: В статье с историко-лингвистических позиций рассмотрена семантика слов с древним корнем *корм* (*кормление, кормильство, кормёж* и др.) со значением «мздоимство, взяточничество», а также их системное лексическое окружение и корпус народных паремий и афоризмов с этими словами. Анализируемые слова изменили свое значение. При изучении семантики таких слов существует опасность перенесения их новых смыслов на старые эпохи, поскольку в новое время они воспринимаются в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказываются под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его оценочности и прагматики. На различных примерах в статье показано, что в слове *кормление* в прошлом переплетались два значения: «обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.» и «управлять, направлять, рулить». Однако к нашему времени второе значение слова утратилось, что привело к ошибочной мотивации его значения и суженному его пониманию. Автор приходит к выводу, что в лексиконе и фразеологии русского языка прошлых периодов нет языковых средств с прагматикой осуждения и неприятия такого социального порока, как взяточничество.

Ключевые слова: кормление от должности, взятки, лексика, пословицы и поговорки, ментальность, семантика, словообразование, этимология.

Рассмотрение концепта с позиций науки о языке предполагает изучение средств его репрезентации вербальными средствами, чему и будет посвящена данная статья. Репрезентация социально значимых концептов обусловлена культурно-историческим генезисом сознания, что не может не отражаться в языковой картине мира народа. Ментально-мыслительных процессы в сознании народа также обуславливают его оценку объектов действительности и определяют способ категоризации познанных явлений и последующей их номинации средствами языка. С опорой на этимологию и семантику языковых средств рассмотрим особенности отражения в генетической памяти русского народа его отношения к вопросам взяточничества.

Основная цель данной статьи: на материале слова *кормление* и его системного лексического окружения, а также фразеологии (в самом широком ее понимании), показать, какие этноязыковые и собственно языковые факторы помогают осмыслить неистребимость в нашем обществе такого социального порока, как преступное обогащение чиновников, крупных и мелких начальников различного уровня путем поборов с населения и людей, зависящих от мздоимца в каком-либо отношении. Начнем же своё исследование с определения основной методологической позиции, которой руководствуемся в анализе языкового материала.

Современники могут наблюдать язык в его повседневном функционировании и наиболее точно определять семантику слов, исходя из реалий жизни. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения смысла слова новой эпохи на старую, поскольку оно может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждал в свое время академик В.В. Виноградов: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1995: 27]. Он приводит т пример со словом *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве*: люди его времени (годы жизни В.В. Виноградова 1894-1969) понимали это слово как «разновидность воровства, преступное обогащение с использованием своей должности, мироедство».

Такое понимание этого слова в приведенном академиком контексте не только сохранилось со времени жизни В.В. Виноградова, но стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, фокусирующего мировоззрение, ценности и состояние культуры нашего общества. Это обусловлено, с одной стороны, идеологическими факторами современного мышления носителей русского языка, отражающего реалии настоящего с его коррупционностью и частой безнаказанностью воровства и поборов всяческих начальников, то есть преступного «кормления». С другой стороны, данное понимание семанти-

ки слова *кормление* спровоцировано и чисто языковыми причинами, которые и составляют предмет данной статьи.

На современное восприятие слова *кормление* оказывает свое мощное воздействие корень этого слова (*корм-*) как основной репрезентант семантики всего родственного гнезда слов с этим корнем. Этимологическое же значение слова *корм* (из праславянского *кърмь*) – «обрезок, нарезанное». Дальнейшее смысловое развитие этого корня: «что-либо отрезанное» → «отрезанная доля пищи» → «полученная еда, пища» (Этимол. словарь). У слова *корм* живая внутренняя форма (*внутренняя форма* в понимании А.А. Потебни, то есть исходный смысл, унаследованный производным словом (или его значением) от производящего). Она представлена в свободном корне, то есть способном употребляться без аффиксов и потому надежно удерживающим внутреннюю форму в активном восприятии её смысла носителями языка. Поэтому синхронное словообразование вполне закономерно сочтет образование слова *кормление* от глагола *кормить* в значении «давать пищу».

В действительности же слово *кормление* образовано от слова *корма* в значении «задняя часть судна». Родственные слова: *кормило* – «руль у судна, подвешенная к корме лопасть»; *кормчий* – «управляющий ходом судна»; *кормщик* – «рулевой на судне»; *кормильство* – «управление, руководство, наставление»; словосочетание *кормчая книга* – «сборник правил, законов для управления чем-либо» (Словарь XI-XVII вв.). Так что на самом деле слово *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве* обозначало «управление», а не «преступное обогащение». Поскольку это словосочетание перестало употребляться, сознание носителей языка постепенно подменило его внутреннюю форму с опорой на омонимичный корень слова *корм* (вместо *корма*) по той причине, что слово *корм* гораздо частотнее по употреблению и активнее в языковом сознании носителей языка, так как не ограничено специальной сферой употребления, как это наблюдается у слово *корма*, функционирующее в морской сфере.

Внутренняя форма слова *корма* очевидна, если ее связать с неосновным значением этого слова «управление». Гораздо интереснее развитие семантики самого слова *корм* и глагола *кор-*

мить, совместивших в себе казалось бы такие не связанные друг с другом значения, как «давать пищу» и «управлять, руководить». Однако академик В.В. Виноградов о подобных случаях писал так: «Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [Виноградов 1995: 15].

Понимание семантики слова *кормление* (*бояр*) как «мздоимство» спровоцировано воздействием словообразовательной системы с регулярным образованием от глаголов отвлеченного имени существительного с суффиксом *-ени(е)*, продуктивным в этой функции (сравн. *стареть* → *старение*, *двигать* → *движение*). В прошлом была продуктивной именно эта модель, а вот примеров образования существительных с суффиксом *-ениј-*, а также с суффиксом *-иј-*, непосредственно от имен существительных мы не нашли. Так что имя существительное *кормление* мотивировалось глаголом *кърмити* со значением «править, стоять у руля», производным от существительного *кърма*. Примеры того же словообразовательного типа: *бракъ* → *брачить* («венчать») → *брачение*, *баня* → *банить* («мыть, чистить») → *бание*.

Кроме того современное понимание семантики слова *кормление* (*бояр на воеводстве*) только как «мздоимство» обусловлено архаизацией неосновного значения этого слова, актуального для Руси 13-16 веков, «система вознаграждения бояр, осуществлявших судебные-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности» (МАС-2). В словаре В.И. Даля одно из значений слов *кормление*, *кормеж*, *кормка*, *корм* определяется так: «жалованье, содержание отъ казны, и самые мѣста, должности внѣ столицы, помѣстье, волость или городъ и посылка чиновниковъ на управление ими». *Кормленье с боярскимъ судомъ* означало «мѣсто съ правомъ суда и расправы», где «вмѣсто жалованія правительъ взималъ пошлину», Примеры: *Поехаль на кормежъ, на доходное мѣсто; посадить кого на кормъ* – «дать доходное место» (Даль).

Это значение у слов *кормление* и его вариантов утратилось, пребывает лишь в архивном фонде языка, но оно оставило свой след в генетической памяти народа, тем более что денотативная

основа его семантики осталась неизменной: управленцы территорией обычно продолжали от ее населения «кормиться», хотя такое право для них законами уже не предусматривалось. Более того, сегодняшняя картина деятельности управленцев дает немало примеров того, как на любом поприще чиновники и даже руководители небольших коллективов, учреждений изобретают способы обогащения *кормлением*. Например, директор одной из московских школ (некто Петров) поборами от родителей учеников и махинациями с заработной платой учителей своей школы смог довести свое благосостояние до поражающих воображение огромных размеров (об этом сообщалось в программе «Новости» по первому каналу передач российского телевидения 25 июля 2011 года). Факт сам по себе удивительный, поскольку школьное образование до сих пор вроде бы находилось в стороне от процессов издоимства и воровства.

Итак, в современном значении слова *кормиться* проступают и его диахронические смыслы. Значения двух действий – «управлять чем-либо (территорией, коллективом подчиненных, учреждением или кораблем») и «кормиться от этого управления» (то есть «нечестно добывать средства для своего обогащения») – были омонимичными значениями, но в определенный исторический период слились в единую лексему как связанные между собой семемы одной и той же лексемы, эксплицированные в многочисленных сочетаниях слов. Характерный пример – слово *кормити*. В «Словаре русского языка XI – XVII веков» приводятся два омонимичных слова. *Кормити*¹ с пятью значениями, из которых два значения связаны со смыслом слова *корм* как «еда»: «давать пищу, вскармливать, угощать» (есть примеры в пословицах *Басни соловья не кормят, Вас кормит море, а нас томит горе*). Значение № 3 – «содержать, обеспечивать едой, кормами», пример: *Въ Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати* (Новгородская летопись, 1618 г.).

Значение же № 4 «иметь на «кормлении», содержать кого-либо за счет поборов, обложения» и значение № 5 «давать жалованье, платить чем-либо» демонстрируют некоторый отрыв от первой группы значений. При этом от семемы *кормити* № 4 образованы слова *кормление*, *кормленский*, *кормленщикъ*. Слово *кормление* в древности имело весьма широкий семантический

объем, в русле которого функционировало и такое употребление: кормление как способ содержания княжеских и государственных людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой (денежные и натуральные) обеспечивают материальные нужды управленцев соответствующей территорией. Пример: *Пожаловал есми Келаря Петровича въ Мещерѣ городом Елатьюю ... в кормленье съ мыты, и с перевозы, и со всѣми намѣстничьи доходы, и съ пошлинами* (1589 г.). У слова *кормленский* значение «полученный в «кормление», на содержание должностных лиц за счет поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». У слова *кормленщикъ* значение «лицо, получившее определенную территорию в «кормление», живущее на полном содержании за счет всяческих поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». Пример: *Взято на Москвѣ в Устюжскую четверть кормленщиком на жалованье у приказчиковъ вашихъ ... оброчных денег двестѣ девять рублев* (1608 г.).

Семантика «кормиться от населения за счет поборов и налогов в свою пользу» была закреплена в целой группе устойчивых сочетаний: «Дать кому-либо что-либо в кормление» (*А въ Новѣ-городѣ приихаша князь Патрикий Наримантовичь, и прияша его новгородци и даша ему въ кормление Орѣховъ городъ* (Новг. летоп.); «держати кормление, сидѣти по кормлениемъ» (*Бояре и князь и дѣти боярские сидѣли по кормлениемъ по городомъ и по волостемъ для росправы людемъ и всякого устройства землямъ и собѣ отъ служебъ для покою и прекормления* (Ник. летоп.); *Кормленая печать* – «печать, скрепляющая документ, дающий право на содержание, обеспечение «кормлением»»; *дати кормлю* – «дать право на поборы, «кормление» с какой-либо территории»; *кормовая грамота, кормовые деньги*.

В единой звуковой оболочке в прошлом многозначного слова *кормление* переплетаются значения «обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.» и «управлять, направлять, рулить». Отсюда появились как многозначность многих слов с корнем *корм*, так и наличие слов-омонимов. Амплитуда колебаний семантики их внутренней формы развивается по метонимической модели полисемии в направлении: *корм* (пища) → *корм* (содержание) → *корм* (управление территорией)

с правом обеспечивать удобное для себя содержание поборами с населения) → *кормь* / *корма* (управление судном). Поскольку последняя составляющая этой модели характеризуется отрывом от ядерной архисемы со значением «пропитание», эта семантика организует омонимичный вариант группы слов, номинирующий объекты управления судном: *корма*, *кормило* (руль у судна), *кормити*² (управлять кораблем), *кормник*, *кормиций*, *кормчий*, *кормицик*, *кормовицик*² (рулевой на судне, а также старший в промысловой (рыболовной) артели), *кормовое* (судно), *кормчая* (книга), *кормицичий* и другие.

Слово *кормило* в значении «средство, устройство для управления» сохранилось в архаичном фразеологизме высокого стиля у *кормила правления (власти)* – «стоять, быть во главе управления чем-либо» (Этимол. слов. совр. рус. яз.). Интересно, что заимствованное из голландского языка слово *руль* со значением «устройство для управления движением транспортного средства» по аналогии со словом *кормило* приобрело такое же символическое значение «обладать властью, играть руководящую роль», активизировавшееся в советский период. Например, *Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин). То же у производных слов от слова *руль*: *Партия – наша надежда и сила, Партия – наш рулевой* (песня В. Мурадели на стихи С. Михалкова «Партия – наш рулевой»). В этом же символическом значении слово продолжало употребляться и в постсоветский период: *В условиях глубочайшего экономического кризиса у руля державы должен стоять не ученый-теоретик, а практик, который сможет убедить тех же ученых на время спуститься на землю и в одной упряжке хоть как-то оттащить Украину от последней черты* (СПб Эхо. 28. 10. 1992 г.).

Пример семантического развития слова *кормление* иллюстрирует тот факт, что языковые процессы развития многозначности слова отражают исторически мотивированное восприятие этого слова сознанием народа, а также изменения в этом восприятии, обусловленные меняющейся картиной мира. Известно, что в каждом национальном языке так или иначе проявляется мировидение народа и это проявление влияет на формирование его ценностей и культуры.

Семантические и прагматические смыслы слова можно рассматривать как своеобразный источник концептуально значимой социокультурной информации, транслируемой языком. Умозаключение, лежащее в основе исходной семантической структуры слова и его этимоне, глубоко прагматично. Языковые средства сохраняют и передают от поколения к поколению проверенную жизненными практиками житейскую мудрость, которая особенно убедительна потому, что основывается на образах знакомых, обыденных, отражающих стереотипы ближайшей культурной среды. Ментальная составляющая в семантике слов формируется в самой гуще народа, затем воспроизводится и тиражируется на протяжении длительного времени, уходя своими корнями в глубь веков. Однако функции языка не ограничиваются только отражением действительности. В определенном смысле язык навязывает человеку не только форму креативной категоризации мира, но и нормы общественного бытия и социального поведения, поскольку произнесенное слово воздействует на общество носителей языка всеми своими ментальными и прагматическими смыслами.

Истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох не только в словах, но и в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка. Поэтому необходимо обратиться и к этому материалу.

И вот что интересно: если по самым разным порокам общества и отдельных людей, практически по любым (воровство, предательство, обман, лесть, лень, пьянство и т. д.) в корпусе нашего языка существует обилие паремий, со всех точек зрения, и как положительных, и как отрицательных, оценивающих и осуждающих эти пороки, то по теме «коррупция, взяточничество» (устаревший синоним этого слова *мздоимство*) их количество ничтожно мало. Изучив состав многочисленных сборников народных пословиц и поговорок, примеров к словам *взятка*, *мзда*, производных от них слов и их синонимов в различных

словарях, мы нашли всего одну поговорку (в сборнике И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи», впервые изданном в 1848 году): *Мзда и мудрых ослепляет, а немудрых погубляет*. В словаре В.И. Даля есть примеры, объясняющие ситуацию мздоимства весьма спокойно, без всякого осуждения этого социального зла: *Въ землѣ нашей мздоимствуется, по обычаю; Всякъ трудъ мзды своей достоин; Мзда не лихва (Лихва – «избытокъ, излишекъ, корыстные, вымогательные барыши»)* (Даль). Пример в этом же словаре: *Лихва да леть – дьяволу честь*. Получается, что в народной картине мира у взяточничества отсутствует ореол осуждения, оно представляется как нормальное деяние, приравнивается даже к обычаям народа, особенно если речь не идет о *лихве*. Более того, на эту тему мы нашли две поговорки, в которых дано своеобразное объяснение необходимости взятка путем отсылки к простому и ясному для всех образу движения: *Не подмазано – не катится* и *Не подмажешь – не поедешь*. Смазка колесных осей экипажа в прошлом – это необходимое действие в подготовке к дороге, без которого движения не будет. Этот образ перенесен на движение не только экипажей, но и вообще всякого дела. Взятничество всесильно: *Когда деньги говорят, правда молчит; Если золото всплыло, правда потонет; Стоит крикнуть, да денежкой брякнуть, так все и будет* (Даль). В данных поговорках речь идет не о моральных принципах социума, а о конкретной модели поведения, которая позволяет самым быстрым и главное – абсолютно надежным способом решить всякую проблему. Прагматическим аспектом значения в этих поговорках провозглашается нормальное и привычное в обществе поведение людей как важная составляющая общенародной картины мира. Видимо, неслучайно Александр Герцен в свое время сказал: *Если бы в России строго выполнялись все законы и никто не брал бы взятки, жизнь в ней была бы совершенно невозможна*.

В качестве вывода мы предлагаем следующее умозаключение: лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа исторически не было сформировано непринятие взяточничества и мздоимства или их оценки как постыдных и недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих

пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1.

СЛОВАРИ И ИХ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. 1980.

МАС-2: Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М. 1981 – 1984.

Словарь XI-XVII вв.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 – 28. М. 1975 – 2008.

Этимол. словарь: Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. М. 2010.

© Шипицына Г.Н., 2016